

ПРЕДМЕТНЫЕ РЕАЛИИ АБХАЗСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ, СВЯЗАННЫЕ С РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫМИ ПРАКТИКАМИ

МАДОННА ФРИКАНОВНА ПИЛИЯ

(Центр нартоведения и полевой фольклористики Абхазского государственного университета: Республика Абхазия, 384904, г. Сухум, ул. Университетская, д. 1)

***Аннотация.** В статье рассмотрены предметные реалии абхазской волшебной сказки, связанные с посещением иного мира. Корпус предметных реалий, с помощью которых герой абхазской волшебной сказки посещает разные миры, богат и разнообразен. Предметы — катушка ниток / клубок, большая плетеная корзина (акуцха), пишено, брусок (точильный камень), горлянка (тыква бутылочная), уголь — помогают герою попасть в иной мир или же покинуть его. Другими словами, эти реалии служат средством пересечения границы между мирами. В данную группу входят предметы поиска, средства передвижения, а также вещи, формирующие пространство, и т. д. Некоторые из вышеперечисленных предметов встречаются не только в волшебных сказках, но и в заговорах, используются в различных обрядах абхазов.*

***Ключевые слова:** предметные реалии, иной мир, обряды, абхазы.*

Изучение образной системы волшебных сказок всегда привлекало внимание ученых. Однако целый ряд аспектов оставался на периферии исследовательской деятельности. Одним из них является вопрос о формировании предметного мира волшебной сказки. Отдельные аспекты данной проблемы рассматривались представителями мифосимволического и лингвосемантического направлений, однако больше всего к ней обращались ученые, работающие в русле фольклорно-этнографических исследований¹.

Работ, в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы предметного мира абхазской волшебной сказки, немного. Наиболее показательны в этом отношении монографическое исследование С. Л. Зухбы «Абхазская народная сказка» [Зухба 1970; Зухба 2014]. В главе,

посвященной основным образам абхазских народных сказок, рассматриваются отдельные предметные реалии, связанные преимущественно с мифологическими представлениями [Зухба 2014, 61–144].

В стороне от внимания исследователей остался целый ряд предметных реалий — предметов, связанных с иным миром. Безусловно, данная группа не является однородной. В нее входят предметы поиска, средства передвижения, вещи, формирующие пространство, и т. д.

Нами будут рассмотрены лишь те из них, которые связаны с возможностью героя/героини проникнуть в иной мир или покинуть его. Этих предметов относительно немного: **катушка ниток / клубок, большая плетеная корзина (акуцха), ремень, ковер, бурка, зеркало, платок, мост, гребень, бутылка чернил,**

¹ Подробную историографию вопроса см.: [Добровольская 2009, 4–20].

шило, просо, пшено, брусок (точильный камень), горлянка, уголь. С их помощью герой может попасть в иной мир или же покинуть его; данные предметные реалии необходимы для того, чтобы преодолеть границы между мирами.

Например, в абхазских волшебных сказках клубок выступает предметом, не только указывающим дорогу в иной мир, но и создающим своеобразный проход в иное пространство. Герой идет за клубком, а клубок, катясь, создает в его мире крепость, заходя в которую герой попадает в иной мир.

«<...> *Лара ауха дмыцгазакэа длатэан, арахэыц рацэаны илхахеит. Илхахаз арахэыц акэанч иакэыршаны икалйеит.*

Ашьыжь иара данышагыла, акэанч наилтэит. Инкаиршэын, икэыруа аёына-нахеит, иаргы днашьталеит. Дана-шьтала, ионы, хынтэ дакэнаршеит. Данакэша, абаа дузза калеит. Еитах акэанч кэыруа ицон. Даманы ишинеу-аз, гаишэк аатын, абаа дынталт» (Она всю ночь сидела, не спала и спряла много ниток. То, что она спряла, намотала на **катушку**. Утром, когда он встал, отдала ему **катушку**. Он кинул **катушку**, она покатилась, и он пошел за нею. Когда он отправился за нею, она три раза обвела его вокруг дома. Когда обошел [дом], образовалась огромная крепость. Снова **катушка** покатилась дальше. Когда он за ней шел, открылись ворота, и он вошел в крепость)² [Зухба 2005б, 197].

Созданная клубком крепость принадлежит иному миру.

Образ клубка связан с древнейшими мифологическими представлениями, с идеей жизни и смерти, судьбы и дороги, связывающей различные элементы пространства [Добровольская 2009, 76–77]. У абхазов в рамках похоронной обрядности существовал обычай проводить белую нить. Это связано с тем, что если человек умер вне дома, то, чтобы его душа воссоединилась с телом и обрела покой в ином мире, с места смерти до дома умершего проводят белую нить. Нить в данном случае не только связывает душу и тело, но и является своеобразной дорогой для души, указателем направления движения. Сказка переосмысляет этнографическую реалию, превращая ее в элемент

предметного мира и наделяя волшебными свойствами.

Чтобы попасть в другой мир, герой абхазской волшебной сказки также может использовать большую плетеную корзину (*акуцха*).

«*Австэа арбажь дакэтань дахталаз аниба, иашьыца даарытхьан, кэыцхак ишьишы, акэыцха дылтартэаны нак алада дтарйарц реицэеит*» (Он увидел, куда черт спустился на петухе. Он позвал своих братьев и приказал им, чтобы они сплели ему **большую корзину** и спустили его вслед за чертом) [Зухба 2005а, 144].

Такую же функцию выполняет и ремень, с помощью которого герой сказки спускается в подземное царство:

«*Иаалаган адоумбеи цэақэа пьыкканы, еишьишы аиныжэ чкэын ёлттарйан, рхак аёы длыбааит*» (Они **из шкуры зубра** сделали **ремень** и спустили юношу вниз, и он оказался на какой-то поляне) [Зухба 2005а, 129].

В. Я. Пропп пишет: «Иное царство может находиться не только очень далеко, за морем, за тридевять земель, но и глубоко под землей, или под водой, или, наоборот, высоко в горах. В таких случаях герой спускается на ремнях или канатах либо подымается по лесенке» [Пропп 1984, 191].

В случаях, описанных выше, герой идет за чудесным клубком или спускается по веревке, т. е. перемещение в пространстве связано с физическими усилиями самого героя. Но абхазская сказка знает и другие формы пересечения героем участков сказочного пространства. Например, в ряде сказочных сюжетов герой переносится из одного места в другое с помощью ковра: «*Дара аанза, ера ант аматэақэа иказ иааидхэалан, азбабгы иаргы ауархал инақэланы, «аха» аницэа, ацхэызбагы, иаргы, аматэақэагы иаманы ицеит ауархал.* <...> *Ани ауархал адэы пьизак аёы каришэраны [инанагеит]*» (Пока они не пришли, он собрал вещи и вместе с девушкой полетел на **ковре**. И **ковер** доставил их в красивое и незанятое поле) [Зухба 2007, 12].

Доставить героя в иной мир по воздуху может не только ковер, но и бурка: «*Ауана ааицыхны, унылатэаны камчыла уанаслакь, иахьяауауху уагоит <...>*» (Если

² Здесь и далее тексты приводятся в переводе автора.

бурку растянуть по ширине и сесть в нее и хлестать плетью, она доставит тебя туда, куда ты пожелаешь) [Зухба 2005а, 174].

В ряде сюжетов средством пересечения граници между мирами является зеркало. Сестра героя влюбляется во врага своего брата и помогает ему переплыть реку с помощью зеркала. Антагонист переходит в мир героя, после чего обманывает девушку и пытается с ее помощью погубить героя:

«*Дыпшыын, нырцэ абга лбеит. <...> — Аа, абаагысы азы сыргашыа бауазар, сырыбгароун, схала сзыруам — ахэит абга. <...> Гъсыхэас исымоу уи аун, сышэара икоу асаркыа сзаабгар, азы иныхыаны сныкэгыланы саларуеит. <...> Асаркыа лыршэын, иналтан, абга асаркыа иныкэгылан азы иаарт»* (За рекою увидела волка. Волк девушке говорит: «Прошу помочь мне, я сам не в силах переплыть реку. Единственное, что меня спасет, — **зеркало** размером в мой рост. Если ты принесешь мне **зеркало**, я положу его в реку и переплыву <...>». Она кинула волку **зеркало**. Он встал на **зеркало** и переплыл реку) [Зухба 2005а, 212–213].

В этом сюжете волк принадлежит иномиру, и с помощью зеркала ему удается попасть в мир героя.

С давних времен у абхазов существуют различные поверья, связанные с зеркалами. В доме, где есть покойник, обязательно закрывают зеркала. Считается, что, если зеркала останутся открытыми, душа умершего может заселиться в них. Это будет пугать живых, и душа покойника тоже будет тревожиться (букв.: бояться). Зеркала обычно закрывают только белой тканью (белой скатертью или же белой простыней). Также абхазы не подносили к зеркалу новорожденного. Считалось, что ребенок, увидев себя в зеркале, может испугаться. С. А. Дбар пишет: «С запретами подносить ребенка к зеркалу связывались также и всевозможные расстройства желудка. С появлением первого зуба все эти запреты снимались» [Дбар 2000, 45].

Пересечь границу миров в абхазских сказках можно и другим способом. Так, некоторые предметы, например платок, способны превратиться в мост. Этот сюжет популярен и в русских сказках, однако принцип действия платка иной. Герой

не бросает его в реку, а только взмахивает им, после чего и возникает мост [Добровольская 2009, 108]. В абхазских волшебных сказках платок превращается в мост, соприкоснувшись с водой: «*Альхэызба дцан, лашыа ицывыба итаз ачабра аалаган, амиын инхыриэлан, ицхаха иаакалан, австаа даарылгеит*» / (Девушка пошла, из кармана своего брата достала **платок** и кинула его в море. **Платок** сразу же превратился в мост, и черт переплыл море) [Зухба 2005а, 285].

Отметим, что в абхазских волшебных сказках применение платка для создания моста неслучайно. Мост как средство пересечения различных отрезков пространства используется и в реальности, и в мифологических представлениях. Так, в абхазских похоронных обрядах есть обычай делать некую имитацию моста. Абхазы после смерти человека укладывали покойника на доску и проводили обряд смывания с него прошлой жизни. Затем доску клали в том месте, где протекал ручей. Считалось, что каждый раз люди, переходя через эту доску, как бы облегчали путь души умершего в иной мир. У абхазов этот обряд сохранялся до недавнего времени. И в настоящее время встречаются места, где сохранились следы этого обряда.

Появляется мост и в других вариантах сюжета. Это уже мост, не созданный волшебством героя, а существующий изначально. На его иномирную природу указывает цвет и материал, из которого он изготовлен. Это золотой мост. О роли золотой окраски предметов и о мифологической семантике золота написано достаточно много³. Перейдя золотой мост, герой попадает в другой мир. Сюжет сказки заключается в том, что герой нарушает запрет, обижает свою жену и она вместе с детьми уходит от него. И герой отправляется на ее поиски: «*Рыбжьара нацкыыск ейха ишэпамыз ахытэы цха хын. Ари уажэ амни ахытэы цха дыкэымсыкэа абант азвабцэа рахь неишыа имамызт. Ари хэыми ари ахытэы цха ақэлара изымгэыбэуа дтэан. Аха афымыи рыгены игэыбэны дыкэлан, шулакэы азвабцэа ахыкэаз днеит*» (Между ними был проведён **золотой мост** не больше мизинца. Чтобы попасть к этим девушкам, он

³ Подробнее см.: [Аверинцев 1973; Иванов 1983; Пропп 1986 и др].

должен был пройти через этот **золотой мост**. Пять дней не смог решиться пройти через этот **золотой мост**. Но на шестой день силой преодолел этот **мост** и пришел в то место, где были девушки) [Зухба 2005а, 149].

В абхазских сказках также встречаются не только предметы, помогающие попасть в иной мир, но и те, что нужны герою для того, чтобы его покинуть.

Одним из популярных мировых сюжетов является СУС 313Н* («Бегство с помощью бросания чудесных предметов»)⁴. Абхазская сказка также знает его. Герои, возвращаясь из иного мира, бросают позади себя чудесные предметы, останавливают преследователей и целыми и невредимыми возвращаются с того света: «Агъыла п̄хъыс даалаган аманыфа <...> рзыкалџеит. Амваныфа нарылтан, <...> ххъак, амелан т̄таз ишыушьак, аزاز нарылџеит <...> Ашт̄аа даарышьталан дрыхъзо далагеит. <...> Убри аамт̄азы ачкэын иггалашеит агъыла п̄хъыс ирылтақаз; ищыба т̄таз **аххэа** аатиыхын иришэны ашт̄аа дылааиуаз имџагыхьан икаиришеит. **Аххэа** ахьынкашеаз иаразнак ибна духан, аъсаатэ зылымп̄ыруа убас икалеит. <...> Ишинеуаз акэымкэан, ашт̄аа абна д̄жэыфысны дрышьталан, дрыхъзо далагахт; ачкэын дырџагыых **азаз** иришэт. **Азаз** аниришэ, иахьынкашеаз иаразнак ишыхарахеит, уигыы ашт̄аа п̄ыт̄рак дрыкэнакит. <...> Ашт̄аа дрыхъзозо даналага, ачкэын **имелан т̄таз ашыушьа** иришэт. Ачкэын **ишыушьа** ахьынкашеаз иаразнак **амелан** имшын лашыцаны, имшын шыны икатџеит, ашт̄аа нак нырцэка дырнакын даанхеит <...>» (Соседка приготовила им еду в дорогу. Вместе с едой она дала им в путь **гребень, бутылку чернил** и **шило**. Черт начал их догонять. И в это время юноша вспомнил то, что дала им соседка. Достал из кармана **гребень** и бросил в путь черта. **Гребень** сразу же превратился в большой лес, что даже птицы не пролетят. Но когда черт совсем начал их догонять, юноша кинул **шило**. И на том месте, где упало шило, выросла гора. На некоторое время черт остановился. Опять черт начал их догонять. Юноша кинул **бутылку чернил**, и на том месте, куда упало **бутылка чернил**, сразу же образовалось темное

и горячее море, и черт остался на том берегу) [Зухба 2005а, 283–284].

Вышеперечисленные предметы — гребень, бутылка чернил, шило — создают элементы пейзажа, с помощью которых герой останавливает преследователя. Причина выбора этих реалий подробно описана в работе В.Е. Добровольской. Она пишет о том, что ассоциации по сходству или по функции послужили «главной причиной сохранения данных предметных реалий в сказке, сделавшей их одним из самых ярких проявлений волшебного» [Добровольская 2009, 105]. Действительно, чернила своей окраской напоминают море, кроме того, они жидкие, и поэтому именно они превращаются в водную преграду. Шило — острый железный инструмент. Именно такие вещи активно используются в магии. Шило часто применяется в заговорах, где имеет защитную функцию. И его появление в сказке неслучайно, здесь оно выполняет заградительную функцию. Гребень напоминает лес и в него и превращается. О магических силах данных предметов А.А. Иванова говорит: «В сказке герой бежит из “иного” царства (царства мертвых), спасаясь от преследования его обитателей (водяного, царя медведя, но чаще всего Бабы-Яги); по дороге он бросает позади себя волшебные предметы (гребень, щетку, полотенце, платок, мыло, трут, огниво, кремь), полученные за оказанные услуги в том же царстве мертвых, и эти предметы превращаются в горы, леса, реки, озера, которые, в конце концов, останавливают преследователя. <...> По представлениям народов всех континентов со смертью человека его существование не прекращается: он продолжает жить в загробном мире, причем и там он нуждается в одежде, пище и различных предметах домашнего обихода. Вот почему погребение — это, прежде всего, снабжение его всем необходимым для “иной” жизни, тем, что ускорит его прибытие в загробный мир. <...> Итак, круг обрядовых предметов совпадает со сказочными волшебными предметами. Иначе говоря, не отражая обряда погребения так такового, сказки заимствуют из него некоторые атрибуты и меняют лишь их функции: в обряде она

⁴ См. об этом: [Иохельсон 1913].

сопроводительная, в сказке — заградительная» [Иванова 1979, 120–121].

В абхазских волшебных сказках покинуть иной мир герою помогают не только гребень, бутылка чернил и шило. В качестве чудесных предметов могут выступать просо, пшено, брусок (точильный камень), горлянка, уголь: «Лан дрыхъзо далагеит, аъха **ахъыз** калыъсан, рышьтахъка зегъы бнаришырахеит. <...> Дырагъых дрыхъзоиша анырба, лыъха **ашырз** калыъсан, иаразнакы рышьтахъка збаарахеит» (Когда мать начала их догонять, девушка насыпала на пути матери **пшено**. **Пшено** превратилось в лес. Опять мать стала их догонять, тогда девушка за собой насыпала просо. И сразу же за ними образовалось **болото**) [Зухба 2005а, 251].

Если в предыдущем примере в лес превращался гребень, то в этом он появляется из пшена. И в данном случае ассоциативный ход понятен — зерна в реальности прорастают, превращаясь в колосья; волшебный лес может мгновенно вырасти из зерен, создав труднопреодолимую преграду. Превращение проса в болото связано с другим типом ассоциаций. Если из проса приготовить кашу, она по своему составу получается вязкой и липкой, что вызывает ассоциации с вязкостью болотной жижи.

В некоторых текстах абхазской волшебной сказки иной мир герою удается покинуть с помощью бруска и горлянки⁵: «<...> Адауы дрыхъзоиша анырба, атакэажэ ирылтэз **амакъа** рышьтахъка идьришэит. <...> Адауи дарей рыбжьара иаарыбжьалеит ажэван иайкъысуа ахра цыацыо. <...> Адауы ахра кылжэан, <...> дрышьталаны дшааиуаз гэртэит. <...> Убри аамтэзы ани атакэажэ ирылтэз **амкъыба** рышьтахъка идьришэит. <...> Адауи ахычкъэи иаарыбжьалеит зиас дуззак. Уи ахэарахэа ишуан, аха ахылопъсылэ ахылуамызт. [Адауы азы] иеналаишэит, <...> Дхэаит. <...> Акэара иеыкъэишэит, дбылны, дзабъаны» (Когда они заметили, что великан их преследует, они кинули назад **брусок**, что дала им старуха. Между ними и великаном образовалась высочайшая

скала до небес. Великан, пробив скалу, начал их дальше догонять. Тогда они кинули **горлянку**, которая дала им старуха. Между великаном и детьми образовалась большая река. Река кипела без пара. Великан бросился в реку и обжегся. Начал кричать. Вышел на берег весь в ожогах) [Зухба 2005б, 291–292].

Как мы видим, брусок (точильный камень) и горлянка превращаются в скалу и в реку. Наделение этих реалий такими функциями закономерно. Брусок по внешнему виду ассоциируется с камнем, а горлянка как емкость для воды по метонимической связи части и целого превращается в реку.

В ряде вариантов покинуть иной мир герою удается с помощью угля: «<...> Ишны днеит. Ауазароу [иахэиша лыда] уаха уавытэыфса димбеит. <...> Хэынапъ хэычык ааин, ус ианахэеит: — Лхапъыц хны даауеит уахэиша.

<...> Улфоит.

<...> Абни ахэынапъ ада уаха егъыкамызт, илфахъан. <...> Данаакылс, лашыа дабако, дцахъан. <...> Лашыа дихъзеит. <...> **Ирацэа** каишэит. Ауазароу имишынхан икалеит иареи лареи рыбжьара» (Он пришел домой. Всюду [кроме сестры] никого не увидел. Пришла маленькая мышь и сообщила ему:

— Придет твоя сестра, поточив зубы. Намерена съесть тебя.

Кроме этой мышки, никого не было, она уже всех съела. Когда она пришла домой, брата не было, ушел. Своего брата догнала. Он бросил **уголь**. Все пространство между ними стало морем [Зухба 2005б, 76].

В этом сказочном сюжете уголь превращается в море. Уголь из-за черного цвета, возможно, ассоциируется с Черным морем.

Как видно из текстов абхазских волшебных сказок, корпус предметных реалий, с помощью которых герой проникает в иной мир или, напротив, покидает его, богат и разнообразен. Часть из них помогают герою проникнуть в иное царство, указывают ему путь в таинственный мир,

⁵ Лагенария обыкновенная, или тыква горлянка, тыква бутылочная (Lagenária sicerária), — растение семейства тыквенных, зрелые плоды которого используются для изготовления сосудов и музыкальных инструментов.

создают своеобразный проход в пространство антагониста сказки, прекрасных дев и чудесных диковинок. Другие, напротив, помогают герою покинуть враждебное пространство, спастись от врага, превратившись в непреодолимую преграду. В абхазской волшебной сказке активно задействованы предметы,

функционирующие не только в быту, но и в обрядовых практиках, причем зачастую сказка сохраняет именно обрядовую семантику предмета, его связь с тем или иным обрядом. Использует сказка и предметы, связанные с защитной магией и заговорно-заклинательной традицией.

Литература

Аверинцев 1973 — *Аверинцев С. С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: искусство и культура: Сб. в честь В. Н. Лазарева.* М., 1973. С. 43–52.

Дбар 2000 — *Дбар С. А.* Обычай и обряды детского цикла у абхазов (вторая половина XIX — начало XX в.). Сухум, 2000.

Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.

Зухба 1970 — *Зухба С. Л.* Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1970.

Зухба 2014 — *Зухба С. Л.* Избранные труды: В 2 т. Сухум, 2014.

Зухба 2005а — Абхазское народное поэтическое творчество: В 12 т. Т. IV: Первая книга: Абхазские сказки. Аҭсуа жәлар рҭаҭыц рҭеиамта 12 томкны. IV атом: Актәи ашәкәы: Аҭсуа лакәкәа / Сост., подгот. к изд., предисл., коммент. С. Л. Зухбы; Отв. ред. Ш. Х. Салакая. Сухум, 2005. На абх. яз.

Зухба 2005б — Абхазское народное поэтическое творчество: в 12 т. Т. IV: Вторая книга: Абхазские сказки. Аҭсуа жәлар рҭаҭыц

рҭеиамта 12 томкны. IV атом: Аҭбатәи ашәкәы: Аҭсуа лакәкәа / Сост., подгот. к изд., коммент. С. Л. Зухбы; Отв. ред. Ш. Х. Салакая. Сухум, 2005. На абх. яз.

Зухба 2007 — Абхазское народное поэтическое творчество: в 12 т. Т. V: Первая книга: Абхазские сказки. Аҭсуа жәлар рҭаҭыц рҭеиамта 12 томкны. V атом: Актәи ашәкәы: Аҭсуа лакәкәа / Сост., подгот. к изд., коммент. С. Л. Зухбы; Отв. ред. Ш. Х. Салакая. Сухум, 2007. На абх. яз.

Иохельсон 1913 — *Иохельсон В. И.* Магическое бегство как общераспространенный сказочно-мифологический эпизод // *Сб. в память 17-й годовщины со дня смерти профессора Д. Н. Анучина.* М., 1913. С. 155–166.

Иванова 1979 — *Иванова А. А.* К вопросу о происхождении вымысла в волшебных сказках // *Советская этнография.* 1979. № 3. С. 114–121.

Иванов 1983 — *Иванов Вяч. Вс.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.

Пропп 1984 — *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984.

Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сотрудник Центра нартоведения и полевой фольклористики Абхазского государственного университета: Республика Абхазия, 384904, г. Сухум, ул. Университетская, д. 1; тел.: +7 (940) 990-94-99; e-mail: madonna1990.piliya@mail.ru

THINGISH REALIA OF THE ABKHAZIAN FAIRY-TALE, RELATED WITH RITUAL-CEREMONIAL PRACTICE

MADONNA PILIYA

(Nart Studies and Field Folkloristics Center at Abkhazian State University:
1, Universitetskaya str., Sukhumi, 384904, Abkhazia Republic)

Summary. *This paper considers thingish realia of the Abkhazian fairy-tales associated with visiting another world. Thingish realia by means of which the hero of the Abkhazian fairy-tales visits other worlds form a rich and diverse corpus. Items — a thread spool or a clew, a large wicker “akutskha” basket, a belt, a carpet, a cloak, a mirror, a handkerchief, a bridge, a comb, an ink bottle, an awl, millet, a whetstone (sharpening stone), gourds (pumpkin), coal — help the hero to get to another world or to leave it. I. e., these realia help the hero to cross boundaries between worlds. This group of items is not homogeneous. It includes objects of the search quest, vehicles, things forming space, etc. Some of these items are not only used in fairy-tales, but they appear in oral incantations and are used in different rituals of Abkhazians.*

Keywords: *thingish realia, another world, ritual, the Abkhazians.*

References

- Averintsev S.S.** (1973) Zoloto v sisteme simvolov rannevizantiyskoy kultury [Gold in symbol system of the Early Byzantine culture]. *Vizantiya. Yuzhnyye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa: iskusstvo i kul'tura. Sb. v chest' V.N. Lazareva* [Byzantium. Southern Slavs. Old Russia. Western Europe. History and culture. Coll. papers in honor of V.N. Lazarev]. Moscow. Pp. 43–52. In Russian.
- Dbar S.A.** (2000) Obychay i obryady detskogo tsikla u abkhazov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Custom and rituals of the children cycle among the Abkhazians (the 2nd half of the 19th — the beginning of the 20th century)]. Sukhumi. In Russian.
- Dobrovolskaya V.E.** (2009) Predmetnyye realii russkoy volshebnoy skazki [Thingish realia of the Russian fairy-tale]. Moscow. In Russian.
- Iokhelson V.I.** (1913) Magicheskoye begstvo kak obshcherasprostrannyy skazochno-mifologicheskyy epizod [Magic flight as a universal fairy-tale and mythological episode]. *Sb. v pamyat' 17-y godovshchiny so dnya smerti professora D.N. Anuchina* [Coll. papers in memory of the 17th anniversary of professor D.N. Anuchin's death]. Moscow. Pp. 155–166. In Russian.
- Ivanova A.A.** (1979) K voprosu o proiskhozhdenii vymysla v volshebnykh skazkakh [To the question of fiction's origin in fairy-tales]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1979. No. 3. Pp. 114–121. In Russian.
- Ivanov Vyach. Vs.** (1983) Istoriya slavyanskikh i balkanskikh nazvaniy metallov [History of Slavic and Balkan nominations of metals]. Moscow. In Russian.
- Propp V.Ya.** (1984) Russkaya skazka [Russian folk-tale]. Leningrad. In Russian.
- Propp V.Ya.** (1986) Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Historical roots of the fairy-tale]. Leningrad. In Russian.
- Zukhba S.L.** (1970) Abkhazskaya narodnaya skazka [Abkhazian folk-tale]. Tbilisi. In Russian.
- Zukhba S.L.** (2014) Izbrannyye trudy [Selected works]. In 2 vol. Sukhumi. In Russian.
- Zukhba S.L.** (comp., preface, comm.) (2005) Apsua zhlar rchapyts rchiamta [Abkhazian folk-tales: fairy-tales]. In 12 vol. Vol. IV. Books 1, 2. Sukhumi. In Abkhazian.
- Zukhba S.L.** (comp., comm.) (2007) Apsua zhlar rchapyts rchiamta [Abkhazian folk-tales: fairy-tales]. In 12 vol. Vol. V. Book 1. Sukhumi. In Abkhazian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: madonna1990.piliya@mail.ru

Tel.: + 7 (940) 990-94-99

1, Universitetskaya str., Sukhumi, 384904, Abkhazia Republic

Researcher, Nart Studies and Field Folkloristics Center at Abkhazian State University
